

Религиозный аспект формирования менталитета русской интеллигенции

Е.В. КОРЕНЬ

Исследуется религиозный аспект развития менталитета русской интеллигенции, выясняются истоки, специфика и значение религиозных умонастроений интеллигенции, влияние религиозных кризисов на ее менталитет, рассматривается связь революционной жертвенности интеллигентов во имя общественного блага с религиозными архетипами, объясняются безрелигиозная религиозность интеллигенции, ее влияние на духовно-культурные и философские традиции России. Новизна и актуальность темы обусловлены ее слабой освещенностью в историографии и ростом общественного и научного интереса к религиозно-философским вопросам.

Ключевые слова: интеллигентский менталитет, религиозный аспект, религиозный архетип, безрелигиозная религиозность, общественное благо, жертвенность.

The development of the religious aspect of the mentality of the Russian intelligentsia is studied. The origins, particularity and importance of religious mindsets of intelligentsia are clarified. The influence of religious crises on the mentality of intelligentsia is examined. The relationship of sacrifice of the revolutionary intellectuals for the common good with religious archetypes is explained. Irreligious religiousness of intelligentsia, its impact on the cultural and spiritual philosophical traditions of Russia is studied. Novelty and relevance of the topic are caused by its weak interpretation in historiography and growing public and scientific interest in the religious and philosophical issues.

Keywords: intellectual's mentality, religious aspect, religious archetype, irreligious religiousness, public benefit, sacrifice.

История развития интеллигенции в России, формирование ее менталитета имеет, помимо культурно-психологического, политического и прочих, очень важный, хотя и не ярко выраженный, религиозный аспект. В художественной и научной литературе иногда обращалось внимание на то, что политические, социальные, научные идеи ряда общественных деятелей имели специфически религиозный окрас (догматизм, тенденцию к жертвенности, мессианству), даже при выраженном отрицании религии. Однако этот факт не стал предметом особого исследования в историографии и теоретических обобщений. Необходимо осветить религиозный аспект эволюции интеллигентского менталитета, выявить истоки, специфику и значение религиозных умонастроений интеллигенции.

Интеллигенция – особая социокультурная группа, принадлежность к которой в исторической ретроспективе определяется не только интеллектуальной деятельностью, но и высокими духовными, нравственными запросами и человеческими качествами ее представителей, их общественной активностью, приверженностью идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов корпоративным. Формирование интеллигенции в России было обусловлено не только особенностями социального, политического, но и спецификой духовно-культурного развития страны, а также влиянием религиозных традиций. Интеллигенция сформировалась преимущественно на основе дворянской интеллектуальной элиты. Постепенное нарастание в сознании образованных дворян противоречий между гуманистическими идеалами христианства и Просвещения, с одной стороны, и крепостнической действительностью – с другой, и привело уже в конце XVIII в. к кризису феодальной системы ценностей и дифференциации дворянства по ценностным и идеологическим установкам.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. значительно расширился слой дворянской интеллигенции – людей, которым был присущ особый менталитет. При сохранении дворянских морально-ценностных установок и комплекса понятий (о чести, долге, службе, ответственности, социальной роли) большое место в их умонастроениях заняли интеллигентские идеи общественной добродетели, просвещения, свободы, человеческого достоинства, справедливости, равенства людей перед Богом или природой. Для дворянских интеллигентов от эпохи Н.И. Новикова и А.Н. Радищева до декабристов и А.И. Герцена были характерны страдание к угнетенной части общества и готовность жертвовать во имя «общего блага» не

только сословными преимуществами, но, нередко, и жизнью. Обращает на себя внимание тот факт, что эта жертвенность имела сильное сходство с христианской идеей мученичества во имя Бога. Только у представителей интеллигенции, особенно революционного толка, жертвенность связывалась с борьбой за социальную справедливость, за спасение обездоленного народа.

У российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. стремление к социальной справедливости переросло, по удачному выражению Н.А. Бердяева, в «религиозную жажду Царства Божьего на земле» [1, с. 190]. В менталитете интеллигенции на протяжении всей ее эволюции было сильно религиозное начало, даже при совершенно светском характере ее увлечений [2, с. 131]. На сходство интеллигенции с монашеским орденом указывали еще в начале XX в. такие мыслители как Н.А. Бердяев [3, с. 66], Д.С. Мережковский [4, с. 63], Г.П. Федотов [5, с. 431]. По мнению Н.А. Бердяева, на формирование этой черты своеобразной *безрелигиозной религиозности* повлияла глубинная «православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества» [3, с. 66].

Религиозный фактор сыграл важную роль в самом процессе формирования русской интеллигенции. Сильным катализатором этого процесса явились петровские реформы. В допетровские времена интеллектуальная жизнь в России сосредоточивалась вокруг церкви и религиозных вопросов. По мнению В.В. Иванова, предтечами интеллигенции были монахи-летописцы [6, с. 44]. Но петровские реформы резко размежевали религию и культуру, духовная жизнь приобрела светский характер. Церковь, до того уже утратившая духовную гегемонию в обществе (вследствие многих уступок государству, перенесенного раскола и т. д.), превратилась в «духовный департамент империи» [7, с. 11, 177, 229]. Но религиозность, прочно укорененная в сознании и подсознании русских людей, воспитанных на христианско-православной традиции, сохранилась и дала своеобразные ростки.

Современный исследователь И.В. Кондаков обратил внимание, что вытеснение из «государственного обихода традиционной церковной святости, при сохранении религиозности, способствовало сакрализации светских институтов и феноменов культуры» [8, с. 159]. Стала складываться особая «способность религиозной энергии русской души» переключаться и направляться к целям, которые не являются религиозными, к целям социальным, научным, художественным, политическим». Впоследствии это выразилось в «атеистическом и материалистическом фанатизме разночинской интеллигенции» второй половины XIX в., в «безрелигиозной религии», в политических крайностях, которые нередко носили религиозный характер [8, с. 160–162]. Известная революционерка-народница В.Н. Фигнер вспоминала о своем настроении и размышлениях в Шлиссельбургской крепости: «Но и у меня был свой бог, своя религия – религия свободы, равенства и братства. И во славу этого учения я должна была перенести все» [9, с. 9].

Возникновение подобных настроений обусловлено тем, что государственное насаждение светской культуры, распространение идей Просвещения и усиление рационализма способствовало возникновению своеобразного вакуума в религиозной сфере менталитета образованного русского человека. Этот вакуум не могла заполнить официальная церковная догматика и обрядность. Религиозный поиск сосредоточился на периферии церкви. Духовная ниша стала заполняться масонством, деизмом, внеконфессиональным мистицизмом, вольнодумством (вольтерьянством, различными гуманистическими построениями нравственно-религиозного оттенка), в наименьшей степени материализмом и атеизмом [10, с. 3–9]. При этом православная идея сохранялась, будучи глубинной, архетипичной составляющей менталитета русских дворянских интеллектуалов и интеллигентов. Русских масонов, как выяснил Н.А. Бердяев, все время беспокоило, «нет ли в масонстве чего-либо враждебного православию или христианству» [3, с. 57].

Для общественного сознания XVIII, XIX и первой четверти XX вв. был характерен напряженный религиозный поиск [1, с. 36], [11, л. 335–349]. Известный русский богослов и философ Г.В. Флоровский констатировал, что «вся история русской интеллигенции проходит под знаком религиозного кризиса» [11, с. 279, 331–337, 349]. О том же писали Н.А. Бердяев [1, с. 190], Г.П. Федотов [5, с. 434] и В.В. Иванов [6, с. 46–52].

Именно религиозное влияние способствовало формированию дворянско-интеллигентского *комплекса совести*, болезненно воспринимавшей грех владения крепостными крестьянами – «*крещеной собственностью*». Семена европейского Просвещения (идеи естественных прав

человека и др.) упали на благоприятную почву русской культуры, подготовленную духовно-религиозными поисками (например, идеями нестяжателей) предшествующей эпохи. По мере усиления крепостного права, нередко имевшего дикое проявления, и все большего приобретения дворянством сословных привилегий этот комплекс совести усиливался. Он разрешился декабризмом, а потом и народничеством, которое философ и писатель Г.П. Федотов удачно назвал «взрывом накопившейся религиозной энергии» [5, с. 430].

Это во многом объясняется тем, что большинство русских интеллигентов от XVIII в. по первую четверть XX в. воспитывалось на христианских идеях, на православной, в том числе и церковной, литературе. Участник славянофильского движения 1840-х гг. Д.Н. Свербеев вспоминал, что его учитель Варфоломеевич «избрал предметом чтения жития святых мучеников», «беседе Спасителя с учениками перед Его страданием и самые страсти» [12, с. 41]. Известный общественный деятель, писатель В.С. Печерин вспоминал в своих «Замогильных записках» о впечатлении, которое произвела на него в детстве «история смерти Спасителя»: «Умереть за благо народа и видеть мать, стоящую у подножия креста, было одно из мечтаний моей юности» [13, с. 148–149]. На становление личности Печерина повлияли «Беседы Иоанна Златоуста», «жития святых мучеников» [13, с. 229]. Рассматривая вопрос о влиянии христианской идеи мученичества на народников, Г.П. Федотов заметил, что царубийцы-народовольцы не выживали, либо, выжившие, уходили в православие, как, например, Н.В. Чайковский, Л.А. Тихомиров [5, с. 431].

Религиозная по своим психологическим истокам склонность к жертвенности русских интеллигентов впервые выразительно проявилась в деятельности декабристов. Помимо политического, для них был характерен религиозный и нравственный поиск. Историк Г.В. Вернадский считал религиозность одной из важных черт декабризма [14, с. 89–90]. Так, автор «Русской правды» П.И. Пестель заявил во время разговора с юным А.С. Пушкиным в начале 1820-х гг.: «Сердцем я материалист, но разум мой противится этому» [15, с. 33]. Пестель высказал желание уйти в Киево-Печерскую лавру в случае удачного переворота [16, с. 345–346]. Православие он считал ведущей конфессией будущей России [17, т. 7, с. 205–206]. В Петропавловской крепости он вел богословские споры с посланным к нему для исповеди пастором Рейнботом даже накануне казни. Однако примечательно, что на эшафоте Пестель просил благословения православного священника П.Н. Мысловского [18, с. 39], [19, с. 335].

Г.В. Вернадский заметил, что для многих декабристов было характерно «пламя религиозного экстаза» [14, с. 91]. Эта черта в высшей степени была присуща С.И. Муравьеву-Апостолу, К.Ф. Рылееву, многим членам Общества соединенных славян. Незадолго до казни К.Ф. Рылеев писал в посвященном своему другу Е.П. Оболенскому стихотворении:

«Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше» [20, с. 113].

В строках о тех, «кто предпочел небесное земному» речь идет не о монахах-подвижниках, а, вероятнее всего, о тех, кто разделил участь автора. Перефразируя Евангелие стихами, Рылеев, по сути, описывал общественную миссию единомышленников:

«Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
От всей души мы подчинить должны
И мир вещественный, и мир духовный<...>
«И плоть и кровь преграды вам поставит.
Вас будут гнать и предавать, <...>
Торжественно вас будут убивать<...> [20, с. 112–113].

О «декабристской революции» как «акте христианского подвижничества» писал в «Вехах» философ С.Н. Булгаков [21, с. 54]. Впоследствии стремление к жертве по идейным соображениям, во имя «общественного блага», было одной из характернейших черт многих русских революционеров. В.Н. Фигнер вспоминала: «Смерть казалась желанной, она сплеталась с идеей мученичества, понятие о святости которого закладывалось в детстве традициями христианства, а затем укреплялась всей историей борьбы за права угнетенных» [9, с. 322].

Следующие строки В.Н. Фигнер позволяют пролить свет на истинные мотивы деятельности, риска и согласия на муки и смерть многих борцов за права угнетенных: «Гот, кто подобно мне был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть, кто в детстве и юности считал его идеалом, а его жизнь – образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения» [9, с. 37].

Декабрист Ф.Н. Глинка, известный своим аскетическим образом жизни и сбором средств на выкуп талантливых крепостных, в «Опытах священной поэзии», навеянных Псалтырью и Евангелием, сочетал тираноборческие декабристские мотивы с религиозными. Наряду с нотками разочарования в борьбе с несправедливостью и пороками общества, надеждами на восстановление справедливости Богом («К Богу правды», «Гнев господа на нечестивых»), в его стихах звучит вера в правильность своих действий («Глас Бога избранному») и призыв к борьбе против общественного зла [22, с. 11, 28, 146, 156].

Декабристы искали в христианстве подтверждения своим освободительным идеям [19, с. 232–234]. Так, С.И. Муравьев-Апостол, возглавивший восстание Черниговского полка, написал так называемый «Православный катехизис», который читался перед солдатами вначале восстания Черниговского полка. Словами Апостола Павла декабрист убеждал солдат: «Ценою крови куплены есте, не будите раби человеком». Он призывал восстать против земного царя во имя царя небесного: «Раскаяться в долгом раболепии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: Да будет всем един царь, На небеси и на земли. Иисус Христос». С «Законом божьим», по мнению декабриста, сходно такое правление, «где нет царей: Бог создал нас равными. Цари же прокляты от Бога». М.П. Бестужев-Рюмин вторил своему другу в «Воззвании» к восставшим: «Смертью тирана (Александра I – прим. автора) Бог ознаменовывает волю свою дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому ...» [17, т. 4, с. 256]. Декабристы, создавая эти агитационные документы, исходили из идеи приверженности русских солдат православию. Хотя на солдат больше подействовали рассуждения о незаконности присяги Николаю I. [17, т. 4, с. 254–255]. С.И. Муравьев-Апостол оставался верен идее христианской жертвенности вплоть до того момента, когда перед эшафотом молился «за царя» и «за Отечество» [19, 341–346], [23, с. 452].

Замечательна в плане религиозного обоснования тираноборческих идей «Сибирская рукопись» декабриста П.Ф. Выгодского. «Скиптры и престолы земных властей не в боге и слове его премудрости, а в диаволе и в слове его земно-политической тьмы безумия царствующих...» – писал он [24, т. 3, с. 218]. Церковь и религия, по его мнению, «на откупе у самых злейших синодальных иуд-хриstopродавцев», использующих для наживы «мошеннические чудотворные иконы» [24, т. 3, с. 221]. Церковь же «Христова» «в богатых бездельниках, ворах и живодерах не нуждается...» [24, т. 3, с. 222]. Вспоминая пророка Самуила, Выгодский утверждал, что «Царь в мире один Бог, цари же земные всегда почти есть сила и орудие одного дьявола» [24, т. 3, с. 222]. Говоря о праведной жизни и крестных муках Христа, декабрист заключил, что «сподвижники его, земледельцы не напрасно носят на себе звание крестьян, они страдательные оруженосцы царя своего и владыки..., по сему и избавляются от присяги на верноподданство всякому царю иному» [24, т. 3, с. 222]. Так, автор, по-своему толкуя Евангелие, обвинил власть в союзе с дьяволом и Антихристом, а тех, кто борется против этой власти, представил «истинными сынами божьими и апостолами Христа».

Для декабристов, как и для многих интеллигентов предшествующей и последующей эпох был характерен напряженный религиозный поиск. Религиозными искателями были Д.И. Завалишин, П.С. Бобрищев-Пушкин, М.А. Фонвизин, А.П. Беляев и другие декабристы. Д.И. Завалишин сетовал, что православие плохо изучалось, будучи «принято по распоряжению правительства», а не через индивидуальное приобщение к вере, что «вся наша история представляет непрерывный ряд противоречий с чистым началом православия, не в виде частных отступлений по греховности личной, а <...> в виде действий самой власти, имевших основания чуждые и враждебные православию – начала язычества или отступления» [25, с. 120]. Читая строки К.Ф. Рылеева, Ф.Н. Глинки, П.Ф. Выгодского, трудно не согласиться с журналистом Ф.В. Булгариным, заметившим в послании А.Х. Бенкендорфу, что «Библия и Евангелие есть республиканские сочинения в устах искусного толкования» [19, с. 179].

Ведь действительно религиозные идеи часто высказывались оппонентами власти в качестве аргументов для подтверждения истинности своих нравственных и политических убеждений.

История противоречивых взаимоотношений интеллигенции и церкви наложила специфический отпечаток на всю русскую культуру. Г.П. Федотов писал: «Если от мира подпольных социалистов обратиться к искусству 70-х (1870 – прим. автора) годов, то мы поразимся, как в гражданской поэзии и живописи передвижников – всюду возносится, сорванная с киота, икона Христа: Крамской, Polenov, Ге, Некрасов, Надсон не устают ловить своей слабой кистью, лепечущими устами святые черты. Этот бледный Христос, слишком очеловеченный, слишком нежный, может раздражать людей консервативной церковной традиции. Но еще больший вопрос, чей Христос ближе к подлиннику» [5, с. 430–431].

Постепенно многими представителями русской интеллигенции осознавался разлад между официальной церковностью и православием как таковым. Стремление интеллигентов преодолеть пропасть разногласий между официальным православием и гуманистическими ценностями христианства проявилось в творчестве П.Я. Чаадаева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева.

М.И. Жихарев вспоминал о П.Я. Чаадаеве, что «его исторические и богословские познания равнялись одним познаниям специалистов» [26, с. 87]. Для Чаадаева как философа богословие и христианство, в частности, были наиболее значимой сферой мыследеятельности. Однако он, как потом и известный философ-богослов В.С. Соловьев, испытал тяжелый разлад с официальной церковью, мирившейся с властным произволом. П.Я. Чаадаев мучительно переживал укоренившуюся в его сознании идею, что распространение христианства в России, в отличие от Европы, не только не истребило рабство, но и способствовало его утверждению. Он считал, что «русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского» [27, с. 61]. Крепостное рабство Чаадаев назвал «роковым грехом», «заколдованным кругом», в котором гибнут «самые великодушные порывы» [27, с. 60]. По мнению философа, одно это могло бы заставить усомниться в православии. Он возмущался, почему церковь «не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой» [27, с. 61]. Трудно было примириться с церковностью, освящавшей самодержавный произвол и крепостничество.

Вместе с тем желание интеллигенции найти путь к сближению с православной церковью, к очищению ее от исторических пороков, осознание святости традиционной религии, стремление, по словам Г.В. Флоровского, «оправдать веру отцов» возрастало в сознании русской интеллигенции [11, с. 337]. Д.С. Мережковский призывал православную церковь принять активное участие в борьбе за «великое общественно-политическое обновление России» [4, с. 57, 68]. Н.А. Бердяев в открытом письме к архиепископу Антонию, говоря о стремлении интеллигенции воссоединиться с церковью, называл препятствия, мешавшие этому: невозможность примириться с превращением христианской веры в орудие политики, с оправданием политических преследований и смертной казни [1, с. 293–298].

В целом, процесс формирования менталитета интеллигенции был теснейшим образом связан с религиозным поиском, с «богоисканием», как признавались общественные деятели, философы и писатели – Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой и др. О влиянии религиозных поисков на развитие русской философии писал богослов Г.В. Флоровский [11, с. 277–283, 377]. Н.А. Бердяев отметил, что «вся почти русская литература... есть жизненный документ, свидетельствующий об этом богоискании, о неутоленной духовной жажде» [1, с. 36].

Итак, религиозный аспект формирования интеллигентского менталитета в России имеет не меньшее значение, чем социальный или политический аспекты. Религиозные архетипы сознания, имевшие исторические, культурно-психологические истоки, утверждавшиеся с воспитанием, практикой повседневности, оказывали существенное влияние на мотивацию деятельности просветителей, политиков, художников, писателей и т.д. Религиозные умонастроения интеллигенции (мессианство, жертвенность во имя «общественного блага», религиозный фанатизм в общественной, политической, культурной сферах и т.п.) во многом определили специфику духовно-культурных и философских традиций России – религиозную философию в разных вариантах, безрелигиозную религиозность народников, а потом и воинствующий атеизм коммунистов. Изучение религиозного аспекта эволюции менталитета интеллигенции позволяет осветить многие загадочные страницы истории.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон, 1998 – 400 с.
2. Гаспаров, Л.М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба / Л.М. Гаспаров. – М. : Наука, 1999. – С. 5–14.
3. Бердяев, Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре / Н.А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
4. Мережковский, Д.С. Больная Россия. Избранное / Д.С. Мережковский. – Л.: ЛГУ, 1991. – 272 с.
5. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре / Г.П. Федотов. – М. : Наука, 1990. – С. 403–443.
6. Иванов, В.В. Интеллигенция как проводник в ноосферу // Русская интеллигенция. История и судьба / В.В. Иванов. – М.: Наука, 1999. – С.44–63.
7. Богданов, А.П. Перо и крест / А.П. Богданов. – М. : Политиздат, 1990. – 480 с.
8. Кондаков, И.В. Культура России.– Ч.1. – Русская культура: краткий очерк истории и теории / И.В. Кондаков. – М. : «Университет», 2000. – 360 с.
9. Фигнер, В.Н. Запечатленный труд. Воспоминание / В.Н. Фигнер. – М. : Наука, 1964. – Т. 2. – 318 с.
10. Кондаков, Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю.Е.Кондаков [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/kondakov.htm>. – Дата доступа : 02.04.2014.
11. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре / Г.В. Флоровский. – М. : Наука, 1990. – С. 272–378.
12. Записки Д.Н. Свербеева / Д.Н. Свербеев – М. : Тип.-лит. тов. И.Н. Кушнеров и К°, 1899. – 526 с.
13. Печерин, В.С. Замогильные записки // Русское общество 30-х гг. Люди и идеи. Мемуары современников / В.С. Печерин. – МГУ, 1989. – С.148–311.
14. Вернадский, Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль / Г.В. Вернадский. – 1993. - №15. – С.81–92.
15. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. – В 19 т. / А.С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – Т.12. – 588 с.
16. Лорер, Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов / Н.И. Лорер. – М. : Правда, 1988. – С. 313 – 545.
17. Восстание декабристов. Материалы и документы следствия. – В 18 т. – М. : Гос. полит. издат., 1927. – Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958. – Т. 7. – 692 с.
18. Мысловский, П.Н. Из записной книжки // Щукинский сборник / П.Н. Мысловский. – М. : Московское отделение императорского Российского исторического музея им. императора Александра III. Музей П.И. Щукина. Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1905. – С. 29–40.
19. Эйдельман, Н.Я. Апостол Сергей / Н.Я. Эйдельман. – М. : Изд. полит, лит., 1988. – 365 с.
20. Рылеев, К.Ф. Сочинения / К.Ф. Рылеев. – М.: Правда, 1988. – 352 с.
21. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи / С.Н. Булгаков. – Свердловск : Уральский ун-т, 1991, - С.26–68.
22. Глинка, Ф.Н. Опыты священной поэзии / Ф.Н. Глинка. – Спб. : Типограф. Департ. народного просвещения, 1825. – 180 с.
23. Якушкин, И.Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. - В 2 Т. / И.Д. Якушкин. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
24. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М. : Гос. изд. Полит. Лит., 1951. – Т. 1. 731 с.; Т. 2. – 600 с.; Т. 3. – 600 с.
25. Записки декабриста Д. И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – Спб. : Сириус, 1906. – 464 с.
26. Жихарев, М.И. Докладная записка потомству о П.Я. Чаадаеве// Русское общество 30-х гг. Люди и идеи. Мемуары современников / М.И. Жихарев. – М. : МГУ, 1989. – С. 48–120.
27. Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.